

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕСУРСНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ РОССИЯН СТАРШИХ ПОКОЛЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛОНГИТЮДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Антонина Вячеславовна Носкова¹
Елена Игоревна Кузьмина²

^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,

¹ a.noskova@inno.mgimo.ru,
ORCID 0000-0001-6587-0822

² e.kuzmina@inno.mgimo.ru,
ORCID 0000-0001-6192-7852

Для цитирования: Носкова А. В., Кузьмина Е. И. Изменения в ресурсном потенциале россиян старших поколений (по материалам лонгитюдных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 78–101. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.4. EDN QSOCQE.

Аннотация. Рост ожидаемой продолжительности жизни – глобальный тренд в сфере народонаселения. Цель статьи – в контексте парадигмы активного долголетия выявить изменения в компонентах ресурсного потенциала россиян, относящихся к разным реальным поколениям, но находящимся в одной возрастной фазе 50–69 лет. Первая когорта достигла возраста 50–69 лет в 1993 году, вторая – в 2021 году. Под ресурсным потенциалом в рамках исследования понимается набор значимых социально-экономических и личностных характеристик, необходимых для ведения активной социальной и повседневной жизни. В качестве методологической основы исследования берётся положение Э. Россета об удлинении периода зрелого возраста при росте ожидаемой продолжительности жизни. Положения теории социальной активности и социологического подхода к самодостаточности личности используются для выявления качественных изменений в социально-личностных характеристиках россиян, находящихся на переходной стадии жизненного пути от зрелости к старости. Исследовательская гипотеза о постепенных изменениях в семейных, профессиональных, коммуникативных и других характеристиках проверяется на основе сопоставления данных двух исследований: Руссет (RUSSET), 1-я волна, 1993 год; Национальное исследование старшего поколения по программе SHARE (население 50+), 2021 год. Сравниваются социальные характеристики и установки респондентов, находящихся в одной возрастной фазе (50–69 лет), но относящихся к разным возрастным когортам, различающимся на длину поколения. Главным результатом исследования стала дифференциация компонентов ресурсного потенциала старшего поколения на изменчивые и малоподвижные. Были выявлены тренды,

отражающие качественные изменения ресурсного потенциала россиян старших поколений. Их нельзя однозначно охарактеризовать как позитивные или негативные. В контексте обозначенной проблемы самое значимое изменение связано с повышением уровня образования россиян старших поколений. Сдерживает ресурсный потенциал россиян старших поколений ригидность установок на пенсионный возраст и профессиональную занятость. В заключение делается вывод, что результаты, полученные в ходе исследования, могут служить дополнительной основой для практической реализации задач, связанных с мобилизацией человеческого ресурса россиян старших поколений.

Ключевые слова: активное долголетие, старение населения, ресурсный потенциал, самодостаточность, установки на возраст, лонгитюдные исследования

Благодарности: в статье использованы данные, полученные в рамках работы по гранту РНФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е — лонгитюдное исследование через 30 лет». Авторы выражают искреннюю благодарность доктору социологических наук, заместителю директора Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) Анне Владимировне Андреевской за предоставленные данные для вторичного анализа и консультационную поддержку по обработке результатов лонгитюдных исследований.

Контексты и проблема исследования

Рост ожидаемой продолжительности жизни – глобальный тренд в сфере народонаселения. В течение всего XX века он сопровождался позитивными сдвигами в экономике и социальной сфере – ростом производительности труда, улучшением здоровья и социального благополучия населения [1, с. 128]. В XXI веке учёные говорят о переходе в долголетие как о демографическом переходе нового типа, содержанием которого стал рост продолжительности жизни за счёт снижения смертности в старших возрастах [1, с. 128].

Несмотря на отставание России по этому показателю от стран Европы, Северной Америки и некоторых стран Азии, мы тоже движемся в этом направлении. Так, если в 2005 году ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для мужчин, достигших 60 лет, составляла в среднем 13,26 года, то в 2022 году этот показатель вырос на 3,45 года и составил 16,71 года. Для женщин, достигших 55 лет, данный показатель в 2005 году составлял 22,85 года и подтянулся за 17 лет до значения 26,08, то есть увеличился на 3 с небольшим года¹.

Такой демографический тренд воспринимается специалистами двояко – и как общественная цель, и как социальная проблема. В контексте *дискурса человеческого развития* показатель ожидаемой продолжитель-

¹ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 12.12.2023).

ности жизни является важнейшим маркером прогресса в сфере здоровья и благополучия населения, а его рост определяется как приоритетная задача в сфере демографического развития многих стран мира, в том числе России. Однако *в контексте дискурса старения населения* рост ожидаемой продолжительности жизни рассматривается в качестве фактора перманентного увеличения доли пожилых людей в возрастной структуре населения, что оценивается как острая демографическая и социально-экономическая проблема современности.

Необратимые сдвиги в возрастной структуре не только генерируют новые риски для экономики и социальной сферы, но и влияют на разные аспекты жизни человека и семьи [2, с. 176]. Эксперты фиксируют рост государственных расходов на пенсии и здравоохранение, повышение коэффициента иждивенцев, а также изменение динамики домохозяйств [2, с. 174].

Шлейф демографического старения актуализировал потребность в переосмыслении проблемы старости [3, с. 165]. Её решение предполагает «смещение акцента с социальной защиты пожилого населения на его активное вовлечение в жизнь общества» [4, с. 19] путём создания инфраструктурных, социально-экономических и иных условий, способствующих как можно дольшему сохранению здоровья и социально-экономического потенциала людей по мере их старения. Такой подход нашёл отражение в концепции активного старения, представленной в докладе Всемирной организации здравоохранения «Active Ageing: A Policy Framework (2002)». Базовая концепция активного старения включает три направления: здоровье, социальное участие и безопасность (см.: [4; 5]). В дальнейшем она получила своё концептуальное развитие в теориях «позитивного старения», «осознанного старения», «оптимального старения» [4, с. 16], «продуктивного старения», «активного долголетия» и др. [6]. Вместе с расширением понятийного тезауруса интерпретация феномена активного долголетия прирастает новыми смыслами и компонентами.

Сегодня в разных странах мира ведётся деятельность по разработке и внедрению комплекса мер для расширения возможностей использования человеческого потенциала людей по мере их старения, внедряются «инновации, направленные на содействие активному долголетию» [4, с. 46]. Социально-экономические эффекты этих мер должны проявиться в «дивидендах долголетия» – социальных, экономических выгодах и выгодах для здоровья населения [7]. Экономический эффект, или «второй демографический дивиденд», связан с увеличением числа лет профессиональной занятости, повышением уровня участия пожилых людей в рабочей силе [2, с. 175], с более активным потреблением и т. д. Другой

вид «отдачи» от инвестиций в программы активного долголетия – продолжительное сохранение таких качественных параметров образа жизни, как независимость и автономность [5] – в противовес иждивенческим установкам людей пенсионного возраста, требующим заботы от государства и близких [3, с. 166].

В России эта проблема артикулируется на институционально-государственном уровне и встроена в федеральную повестку. Так, президентом России в ходе послания Федеральному Собранию анонсирован проект «Продолжительная и активная жизнь»¹, целью которого является увеличение ожидаемой продолжительности жизни в России до 78 лет (минимум). При этом президент отметил необходимость увеличения продолжительности «именно здоровой, активной жизни».

Изучение *активного долголетия* артикулируется также в качестве одной из основных *научных задач* [7]. Исследовательская повестка, связанная с *изучением активного старения (долголетия)*, продвигается на международном и национальном уровнях. Так, в современной практике международных сравнений используются разные индексы активного долголетия, позволяющие ранжировать страны по этому показателю [6].

Российские учёные активно встраиваются в эту повестку, адаптируя зарубежные подходы исследования активного долголетия к нашим социальным и демографическим реалиям: глубоко проработан понятийный аппарат [8; 6], применяются оригинальные методики индексной оценки активного долголетия в регионах России [6; 4, с. 69].

В контексте активного долголетия усиливают свою актуальность эмпирические исследования, направленные на выявление и количественное измерение параметров, характеризующих жизненные изменения людей по мере их старения [9]. Начиная с 2010-х гг., тематический спектр таких исследований постоянно расширяется. В фокусе внимания российских исследователей – специфика образа жизни пожилых россиян [10], проблемные зоны и «дезорганизирующие факторы, ведущие к социальной эксклюзии и социальному неравенству старших возрастных групп» [11, с. 181], сценарии перехода в старость [3], нормативные изменения возрастных границ [12] и др. Особое место в этом списке занимает Национальное исследование старшего поколения (НИСП), позволившее получить «многоуровневую информацию о населении старше 50 лет»².

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // КонсультантПлюс : [сайт]. 29 февраля 2024 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 02.03.2014).

² Национальное исследование старшего поколения (НИСП) // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: <https://ncmu.hse.ru/elderly-study> (дата обращения: 10.11.2023).

Вместе с тем наблюдается дефицит исследований, позволяющих сравнить *ресурсный потенциал* россиян, относящихся к разным реальным поколениям (возрастным когортам), при этом находящимся на одном этапе жизненного цикла – этапе перехода *из* зрелости в старость. Понятие «ресурсный потенциал» всё чаще используется для изучения адаптационных возможностей разных категорий населения к меняющимся условиям среды и повседневной жизни [13]. Данная статья, в которой представлены результаты вторичного анализа данных репрезентативных социологических опросов, проведённых в 1993, 2018 и 2021 гг. и охватывающих почти тридцатилетний период постсоветской истории, посвящена описанной выше исследовательской задаче. На фоне социально-экономических и демографических сдвигов в состоянии российского общества практическую значимость имеет социологический анализ изменений в ресурсном потенциале россиян возрастной группы 50–69 лет, произошедших за последние 30 лет. Цель статьи – в контексте парадигмы активного долголетия выявить изменения в компонентах ресурсного потенциала россиян, относящихся к разным реальным поколениям, но находящимся в одной возрастной фазе 50–69 лет.

Методологические аспекты исследования

Важным методологическим аспектом является определение возрастных критериев эмпирического объекта исследования в контексте современной подвижности/устойчивости возрастной периодизации.

Фундаментальную идею об изменении возрастных границ в результате роста продолжительности жизни одним из первых высказал влиятельный демограф XX века Эдвард Россет в работе «Продолжительность человеческой жизни» [14]. По мнению Э. Россета, удлинение человеческой жизни приведёт к тому, что следующие поколения будут обладать не более длительным периодом старости, а *более длительным периодом зрелости*.

В процессе *теоретического обоснования возрастных границ* эмпирического объекта обсуждаемого исследования авторы отталкивались от подхода Ш. Бюлер [15] о пяти стадиях жизненного пути, которые соотносятся с жизненными целями и выборами на протяжении жизни. Четвертая стадия, приходящаяся *на возраст 50–65 лет*, характеризуется рефлексией совершённых выборов и лиминальностью, сопряжённой с переходом в финальную возрастную фазу – угасающую или активную. На этом возрастном этапе осмысливается система приоритетов относительно жизни в старости. В условиях нового демографического перехода эта стадия жизненного пути становится более растянутой во времени и неопределённой. С учётом современной гибкости и изменчивости возрастных границ

в качестве эмпирического объекта исследуется возрастная группа 50–69 лет. Нижняя граница этой возрастной фазы соответствует предпенсионному возрасту, а верхняя – меняющейся верхней границе активного этапа в жизни людей старших возрастов. Так, в социально-экономической практике используются разные классификации категорий населения, в основании которых применяется возрастная переменная, например – трудоспособное/нетрудоспособное население (пенсионный возраст). В «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» говорится, что «граждане с 60 до 64 лет – это достаточно активные в экономическом и социальном плане люди, продолжающие осуществлять трудовую деятельность»¹. При этом верхняя граница возраста экономически активного населения – 72 года. Однако для многих исследований, в том числе связанных со здоровьесбережением, используется верхняя граница 69 лет. Кроме того, один из важнейших анализируемых аспектов – трудовые отношения, интенсивность которых после 70 лет значительно снижается. Соответственно, включение в выборку дополнительных возрастных групп с одинаковым показателем «не работаю» не даёт возможности заметить различия в «переходных» группах. При проведении временных сравнений считается, что чем шире группа (например, 70+), тем больше людей, выросших в разных условиях и социально-политическом и экономическом контекстах, включается в анализ, тем самым увеличивая внутреннюю гетерогенность групп, что значительно усложняет анализ. Поэтому было решено изучать возрастную группу 50–69 лет как более доступный и релевантный исследовательским задачам эмпирический объект.

Исследовательский интерес к этой стадии жизненного пути обусловлен ситуацией выбора, т. е. осознанного или неосознанного предпочтения одного из возможных «сценариев старости» [3, с. 156] – *угасания (дожития) и активного долголетия.*

Для выявления тенденций в сфере активного долголетия в противовес сохранению общественных установок на «старость как дожитие» возможно использование таких групп теорий, как теории непрерывного старения, теории разъединения, экономической теории инвестиций в здоровье, теории ролей, теории активности [9, с. 172]. Теории непрерывного старения и разъединения фокусируются на образе жизни людей пенсионного возраста и уделяют особое внимание сохранению социальных контактов (теория непрерывного старения) или их размыванию (теория разъединения). В рамках экономической теории инвестиций в здоровье акцент де-

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года // Docs.cntd.ru (Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов) : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420334631> (дата обращения: 01.11.2023).

лается на разнонаправленных эффектах вложений в здоровье при выходе на пенсию. Теория ролей рассматривает новый ролевой репертуар людей третьего возраста. Теория активности предполагает связь между самочувствием, удовлетворённостью жизнью и степенью включённости в общественную жизнь. Именно в этом случае можно говорить об удлинении периода зрелости, который выражается в сохранении активности людей даже после выхода на пенсию [9]. В представляемом исследовании используются положения теории социальной активности, которые дополняются социологической концепцией самодостаточности личности [16]. Одним из маркеров активного долголетия является качество самодостаточности, трактуемое как особое свойство личности, выраженное в способности индивида «строить собственную жизнь без оглядки на государство и его поддержку» [16, с. 6], то есть предполагающее независимость и автономность [5]. В данном исследовании фокус делался на социально-экономическую активность и самодостаточность россиян старших возрастов. Выбор в пользу таких подходов обусловлен описанными выше двумя основными видами дивидендов от инвестиций в программы активного долголетия, а также параметрами имеющейся эмпирической информации.

С распознаванием тенденций в сфере активного долголетия (роста социально-экономической активности, самодостаточности и др.) связан такой важный методологический аспект исследования, как определение ресурсного потенциала. *Ресурсный потенциал имеет сложную структуру.* В научной литературе существует ряд подходов к классификации компонентов ресурсного потенциала [13, с. 50]. В рамках исследования, результаты которого представлены в статье, ресурсный потенциал старшего поколения интерпретируется как *набор* значимых характеристик, соотносящихся с основными сферами жизнедеятельности. Он включает в себя как качественные характеристики индивида, значимые для него лично, так и возможности человека участвовать «в социально-экономическом развитии общества, среди которых уровень образования, профессиональная квалификация» [17, с. 631].

В соответствии с обозначенными критериями сравнивались семейно-личностные, социально-экономические, образовательные характеристики (ресурсы) респондентов, находящихся в одной возрастной фазе (50–69 лет), но относящихся к разным реальным поколениям (возрастным когортам), различающимся на длину поколения в 30 лет:

- семейно-личностные ресурсы: брачный и семейный статус, семейные связи;
- образовательные ресурсы: уровень образования;
- социально-экономические ресурсы: трудовая занятость, статус и стабильность занятости, социально-экономическая самодостаточность.

В связи с тем, что активное долголетие сложно интериоризировать в привычный образ жизни населения в условиях сохраняющегося символического давления общественных норм по отношению к старению и пенсионному возрасту, дополнительно исследовалось восприятие возрастных границ старости. Данный фокус даёт возможность обозначить общественное отношение к феномену старения и соотнести между собой понятия «(не)активность» – «пенсия» – «старость».

Эмпирическая база исследования

В анализе использованы данные нескольких крупных национальных опросов: RUSSET (Российские социально-экономические тренды) Российского социального исследования по программе ESS, Национального исследования старшего поколения (НИСП) по программе SHARE. Данные исследования RUSSET получены на основе общероссийской выборки населения 18 лет и старше методом личных интервью по месту жительства. Исследование было разработано международной группой под руководством профессора Вилема Сариса (W. Saris, Университет Амстердама), выполнено ЦЕССИ (Институтом сравнительных социальных исследований) как лонгитюдный проект. Общий размер выборки в первой волне опроса осенью 1993 г. – 3727 респондентов, группа 50 лет и старше составила 1398 респондентов. В 1999 году были опрошены те же респонденты, что и в 1993 году (они опрашивались каждый год с 1993 по 1999), и дополнительно включены респонденты из новой выборки, отобранной, чтобы компенсировать осыпание в 1996 году. Количество респондентов 50 лет и старше – 807.

Российское социальное исследование по программе ESS (Европейского социального исследования) выполнено ЦЕССИ в ноябре 2018 – феврале 2019 г., общий размер выборки составил 2416 респондентов методом личных интервью на дому у респондентов по случайной вероятностной выборке населения страны 15 лет и старше. Методология исследования описана в технической документации проекта на сайте Института сравнительных социальных исследований¹.

Национальное исследование старшего поколения (НИСП) по программе SHARE – лонгитюдное исследование по вопросам здоровья, занятости, образа жизни людей старше 50 лет. Исследование проводится при поддержке НИУ ВШЭ (Высшей школы экономики). Первая волна исследования выполнена ЦЕССИ осенью 2021 г., общий размер выборки составил 3000 респондентов 50 лет и старше и их партнёров любого возраста (лю-

¹ Европейское социальное исследование в России : официальный сайт. Москва, 2024. URL: www.ess-ru.ru (дата обращения: 01.12.2023).

дей 50 лет и старше в выборке 2781) методом личных интервью по месту жительства по случайной вероятностной выборке.

В соответствии с методологией исследований анализировались респонденты двух когорт в возрасте с 50 до 69 лет. Для целей сравнительного анализа отбирались одинаковые по своим формулировкам и шкалам вопросы, позволившие сделать выводы о произошедших изменениях в этой возрастной группе.

Анализируя эмпирические данные, авторы пытались ответить на исследовательский вопрос об изменениях компонентов ресурсного потенциала респондентов в возрасте 50–69 лет в связи с демографическим переходом в долголетие и социально-экономическими трансформациями на протяжении 30 лет.

Результаты исследования

Изменения ресурсного потенциала возрастной категории 50–69 лет. Анализ трансформаций, произошедших с возрастной категорией 50–69 лет за последние почти три десятилетия, выполнен посредством обращения к данным и сопоставления двух исследований: Руссет (RUSSET), 1-я волна, 1993 год; Национальное исследование старшего поколения по программе SHARE (население 50+), 2021 год. Результаты исследований иллюстрируют вариативность в изменениях ресурсных характеристик людей, относящихся к возрастной когорте 50–69 лет.

Семейно-личностные ресурсы возрастной категории 50–69 лет. Для сравнения семейно-личностных ресурсов двух когорт россиян в возрасте 50–69 лет использовались следующие показатели: брачный статус, состав домохозяйства, наличие детей в домохозяйстве, частота контактов с детьми. В целом семейно-личностные ресурсы характеризуются изменчивостью, подвижностью.

Первая тенденция связана с изменениями в брачном статусе. Она проявилась в сокращении доли тех, кто на момент опроса состоял в браке. Если в 1993 году более 60% респондентов состояли в браке (~59% – в официальном и 3,5% – в гражданском браке), то в 2021 году значение данного показателя снизилось до 46%.

На этом фоне заметно увеличилась доля разведённых, а также тех, кто никогда не состоял в браке. Удельный вес разведённых респондентов вырос более чем в два раза. Если в 1993 году менее 10% респондентов указали «разведён» в своём брачном статусе, то в 2021 году практически каждый четвёртый из опрошенных находился в разводе (23%). Более чем в три с половиной раза выросла доля тех, кто никогда не состоял в браке, – каждый девятый опрошенный в 2021 году говорил об отсутствии брачных отношений в течение жизни (см. табл. 1).

Таблица 1
Сравнение брачного статуса возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Брачный статус	1993	2021
Живут в официальном браке	58,7	37
Живут в гражданском браке	3,5	9
Вдовцы/вдовы	23,4	19
Разведены	8,8	23
Союз распался	2,8	1
Никогда не состояли в браке	2,8	11

С брачным статусом тесно связаны изменения, произошедшие за эти годы в составе домохозяйств. Выявилась общая тенденция на увеличение одиночного проживания. Так, если в 1993 году доля одиночных домохозяйств составила 24%, то к 2021 году этот показатель увеличился до 44% (см. табл. 2).

Таблица 2
Сравнение состава домохозяйств возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Состав домохозяйства	1993	2021
Один человек	24,2	44
Два человека	44,2	36,7
Три человека	16,5	12
Четыре человека и больше	15,1	7,3

Более того, если в 1993 году каждый пятый респондент в возрасте от 50 до 69 лет имел в составе домохозяйства детей до 18 лет, то в 2021 году – это уже каждый четырнадцатый (см. табл. 3).

Таблица 3
Сравнение наличия детей в домохозяйстве у возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Дети в домохозяйстве	1993	2021
До 6 лет	5	1
6–12 лет	5	2
13–17 лет	11	4
Всего	21	7

Обратная тенденция проявилась в тесноте связей с детьми. В 2021 году подавляющее большинство (86%) представителей возрастной когорты

50–69 лет, имеющих детей, отметили, что они видятся с детьми практически ежедневно (или живут вместе) или же раз-два в неделю. В 1993 году данный показатель составил 63% (см. табл. 4).

Таблица 4
 Теснота связей с детьми возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Частота контактов с детьми *	1993	2021
Практически ежедневно или живут вместе	41	69,2
Раз или два в неделю	22	17
Несколько раз в месяц	12	7,3
Примерно раз в месяц	7	1,4
Несколько раз в год или раз в год	14	4,3
Реже, чем раз в год	4	0,8

* Если есть дети (если несколько детей, то ответы даются по ребёнку, с которым респондент видится чаще всего)

Изменения в семейно-личностных ресурсах дают основание полагать, что меняются и образ жизни, и социальные установки людей старших возрастов.

Образовательные ресурсы. В ходе анализа был выявлен значительный разрыв в уровнях образования между респондентами в 1993 и 2021 гг. (см. рис. 1).

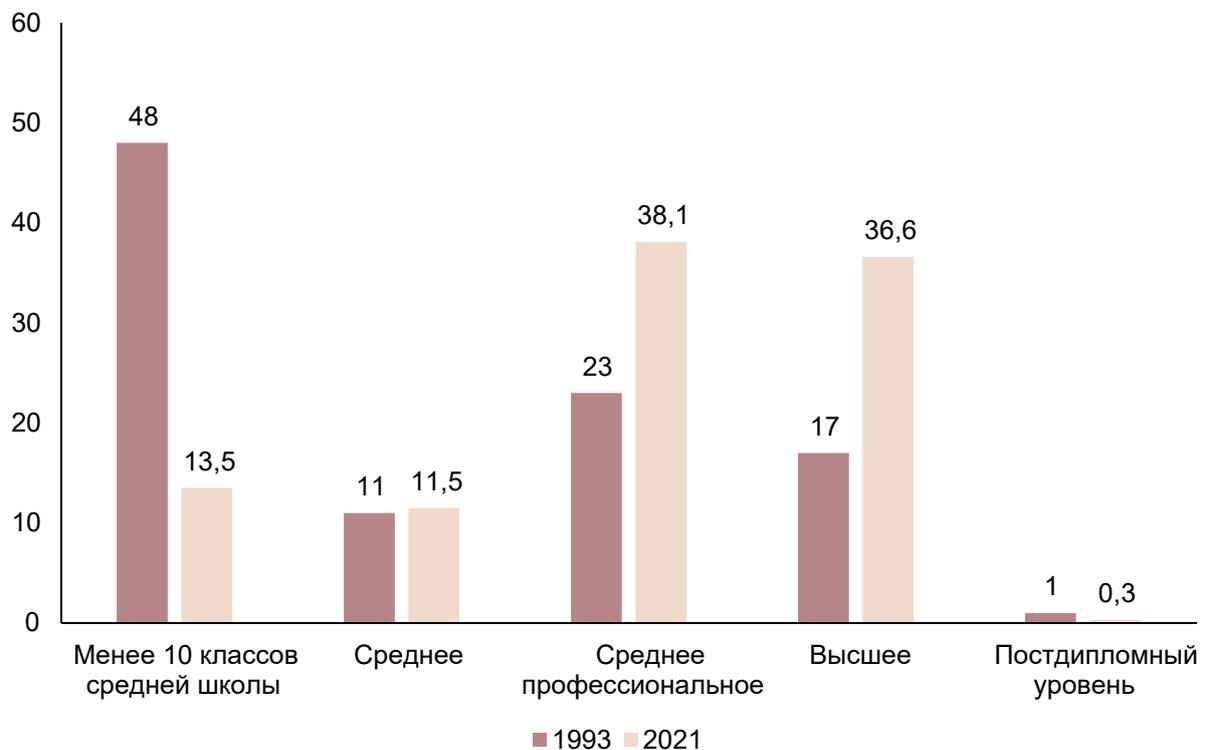

Рис. 1. Образовательный статус возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

В 1993 году 48% опрошенных (то есть практически каждый второй) имели образование менее 10 классов средней школы. В 2021 году доля респондентов с таким уровнем образования снизилась в три раза – до 14%. Достаточно устойчивым оказался показатель удельного веса респондентов, имеющих среднее образование. При этом доля людей с высшим образованием увеличилась на 20 п. п. и составила 37%, что иллюстрирует рост уровня образования среди возрастной категории 50–69 лет в 2021 году.

Социально-экономические ресурсы. Для сравнения социально-экономических ресурсов двух когорт россиян в возрасте 50–69 лет использовались следующие показатели: статус занятости, объём занятости, стабильность занятости, а также субъективная оценка дохода.

В отличие от выявленных подвижек в образовательных статусах, *структура занятости россиян старших возрастов воспроизводится с достаточной устойчивостью.* За почти 30 лет соотношение тех, кто работает без пенсии, работает и получает пенсию, получает пенсию и не работает, практически не изменилось (см. табл. 5).

Таблица 5

Статус занятости респондентов возрастной категории 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Статус занятости	1993	2021
Работает без пенсии	31,9	31,3
Работает и получает пенсию	16,9	15,6
Получает пенсию и не работает	48,8	47,5
Занят домашним хозяйством, включая временно неработающих	0,9	2,4
Безработный	1,5	3,2

Устойчивость наблюдается и в объёме занятости, который дифференцируется на полную занятость, сокращённую занятость, частичную занятость, расширенную занятость, экстразанятость. Соотношение респондентов с частичной и сокращённой занятостью, а также расширенной занятостью и экстразанятостью за 30 лет практически не изменилось. При этом в течение рассматриваемого периода доля тех, кто имеет полную занятость, сократилась на 13 п. п. (см. табл. 6).

Далее опишем некоторые аспекты трудового поведения работающих респондентов – объём и стабильность занятости.

Тенденции, связанные с объёмом трудовой занятости, не претерпевают изменений. За 30 лет модель занятости воспроизводится, обладает устойчивостью, несмотря на видимые отличия в образовательном и семейном статусе респондентов старших возрастов.

Таблица 6
Объём занятости работающих респондентов возрастной категории 50–69 лет,
1993 и 2021 гг., %

Объём занятости	1993	2021
Частичная занятость (менее 20 часов)	4	6,9
Сокращённая занятость (20–35 часов)	12	11
Полная занятость (36–45 часов)	65	51,5
Расширенная занятость (46–50 часов)	10,9	13,1
Экстразанятость (более 51 часа)	8,1	8,9
Нет информации	–	8,6

При этом проявились некоторые различия в паттернах трудового поведения, касающиеся постоянства занятости (трудоустройственной стабильности/мобильности). Для работающих респондентов, которые достигли возраста 50–69 лет в 1993 году, в целом свойственна достаточно высокая профессиональная стабильность. Так, большинство из них (~67%) указали, что не меняли место работы более 10 лет, и только 9% – что работают на текущем месте менее двух лет (см. табл. 7).

Таблица 7
Стабильность занятости (работа на последнем рабочем месте) возрастной когорты
50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Количество лет на последнем (текущем) рабочем месте	1993	2021
Менее 2 лет	8,7	12,8
2–4 года	11,6	17,3
5–9 лет	13	18
10–19 лет	20,2	23,9
Более 20 лет	46,5	23,4
Нет информации	–	4,6

Работающие респонденты, достигшие возраста 50–69 лет в 2021 году, проявили меньшую привязанность к одному месту работы. Из общего числа опрошенных этой возрастной группы менее половины респондентов (~47%) отметили, что трудились на своём последнем месте работы более 10 лет. При этом по сравнению с 1993 годом произошло двукратное сокращение доли лиц, работающих на одном месте свыше 20 лет.

Кроме того, в 2021 году в 1,5 раза увеличилась доля лиц 50–69 лет со стажем менее 5 лет на последнем месте работы. Иными словами, поколение, достигшее возраста 50–69 лет в 2021 году, более склонно к трудовой мобильности, что может быть обусловлено как спецификой трудового поведения данного поколения, так и изменением экономической конъюнктуры. Готовность к смене занятости и места работы может рассматриваться как дополнительный социально-экономический ресурс этой возрастной группы.

На фоне относительной устойчивости структуры и объёма занятости существенные изменения выявились в субъективных оценках собственного дохода – важного социально-экономического атрибута самодостаточности (см. рис. 2).

Рис. 2. Субъективная оценка дохода, 1993 и 2021 гг., %

По сравнению с 1993 годом в 2021 году значительно (на 40 п. п.) сократилась доля тех, кто «жил от зарплаты до зарплаты», и увеличилась доля респондентов, отметивших, что денег им «хватает на ежедневные траты» (рис. 2). Если в 1993 году только 6% респондентов в возрасте 50–69 лет указали, что «денег хватает и ещё есть сбережения», то в 2021 году таких россиян стало около трети. Безусловно, укрепление такой позитивной тенденции в будущем, свидетельствующей об общей экономической ситуации в стране, будет способствовать формированию важного для активного долголетия качества социально-экономической самодостаточности.

Нормативность в определении старшего возраста. Один из исследовательских вопросов посвящён проблемам нормативности, что связано как с психологическим восприятием людей старшего возраста в российском обществе, так и с установлением законодательных рамок, регламентирующих жизнь, в том числе границ пенсионного возраста.

Чтобы проанализировать эмоционально-психологическую нормативность, складывающуюся вокруг восприятия возраста и старения, были использованы данные (за 2018 г.) последней доступной волны Российского социального исследования (РСИ), которое проводится по программе Европейского Социального Исследования (ESS). Вводились следующие показатели восприятия возраста и возрастных изменений: достижение среднего возраста («Примерно к какому возрасту, на Ваш взгляд, женщины/мужчины достигают «среднего возраста»?»), достижение старости («Примерно к какому возрасту, на Ваш взгляд, женщины/мужчины достигают старости?»), достижение идеального возраста выхода на пенсию («Какой возраст Вы считаете для женщины/мужчины идеальным, чтобы перестать работать и выйти на пенсию?»).

Средний возраст – это первый ощутимый рубеж перехода от молодости к более старшему возрасту. Данные показывают, что восприятие «среднего возраста» соответствует статистическому показателю среднего возраста, который в 2022 году составил 40,4 года¹ (см. табл. 8). Стоит отметить, что тема «взросления» для России становится всё более актуальной, поскольку растёт не только средний, но и медианный возраст. Так, в 2022 году медианный возраст в России достиг рекордного показателя в 38,8 года².

Таблица 8

Восприятие «среднего возраста» разных по возрасту и полу групп респондентов, 2018 год, лет

Возрастной интервал	Среднее значение	В том числе:	
		для женщин	для мужчин
15–19	36,44	35,72	37,20
20–29	37,84	37,63	38,06
30–39	39,53	39,79	39,28
40–49	40,12	39,48	40,90
50–59	40,55	40,05	41,12
60–69	40,61	40,04	41,19
70+	40,33	39,87	40,80
ANOVA ³	F = 13,091 sig = 0,000 Всего 2273	F = 7,058 sig = 0,000 Всего 1173	F = 7,027 sig = 0,000 Всего 1098

¹ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 10.11.2023).

² Department of Economic and Social Affairs Population Division // United Nations : [сайт]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/> (дата обращения: 29.11.2023).

³ Здесь и далее (в таблицах 8, 9, 10): оценка межгрупповых различий между средними, проведённая методом ANOVA, показывает, что различия между возрастными подгруппами являются статистически значимыми – как в отношении мужчин и женщин в целом, так и отдельно для женщин и для мужчин.

Ответы респондентов о достижении среднего возраста иллюстрируют линейную зависимость – с увеличением возраста респондентов возрастает среднее значение воспринимаемого возраста зрелости. Наименьший возраст зрелости называют представители возрастной когорты 15–19 лет. В возрастах от 50 до 69 лет зрелость определяется на четыре года больше. Выявлено также влияние гендерного фактора на восприятие среднего возраста – респонденты всех возрастов ставят мужчинам более высокую планку достижения среднего возраста по сравнению с женщинами.

Похожая тенденция проявилась и в восприятии возрастного порога старости (см. табл. 9).

Таблица 9

Восприятие возрастного порога старости разными по возрасту и полу группами респондентов, 2018 год, лет

Возрастной интервал	Среднее значение – порог старости		
	для мужчин и женщин	для женщин	для мужчин
15–19	62,32	60,55	64,15
20–29	62,05	61,47	62,62
30–39	64,71	64,22	65,19
40–49	64,62	64,48	64,78
50–59	66,08	65,44	66,75
60–69	67,03	66,15	67,90
70+	67,66	66,84	68,47
ANOVA	F = 17,247 sig = 0,000 Всего 2268	F = 8,533 sig = 0,000 Всего 1153	F = 9,757 sig = 0,000 Всего 1113

В представлении респондентов всех возрастных категорий возраст старости для женщин наступает раньше (например, в 66,15 года против 67,90 года для возраста 60–69 лет). С увеличением возраста опрашиваемых границы старости сдвигаются вверх: от 62,32 года для возраста 15–19 лет до 67,03 года для возраста 60–69 лет.

При ответе на вопрос об *идеальном* возрасте выхода на пенсию респонденты всех категорий называли значение меньшее, чем то, которое ассоциируется с переходом к старости (см. табл. 10). Здесь виден значительный гендерный разрыв, соотносящийся с нормативностью более раннего выхода на пенсию представительниц женского пола.

Таблица 10

Идеальный возраст для выхода на пенсию, 2018 год, лет

Возрастной интервал	Среднее значение	В том числе:	
		для женщин	для мужчин
15–19	56,97	54,26	59,52
20–29	56,01	53,27	58,78
30–39	56,58	53,78	59,39
40–49	56,44	53,71	59,91
50–59	57,07	54,26	60,06
60–69	57,35	54,57	60,34
70+	58,02	55,16	60,93
ANOVA	F = 4,297 sig = 0,000 Всего 2225	F = 2,944 sig = 0,007 Всего 924	F = 3,293 sig = 0,003 Всего 1098

Сравнение представлений о возрасте наступления старости и об идеальном возрасте выхода на пенсию иллюстрирует разрыв между значениями показателей, увеличивающийся с ростом возраста респондентов: если для группы 15–19 лет разрыв составляет 5,35 года, то для группы 60–69-летних – 9,68 года (см. рис. 3).

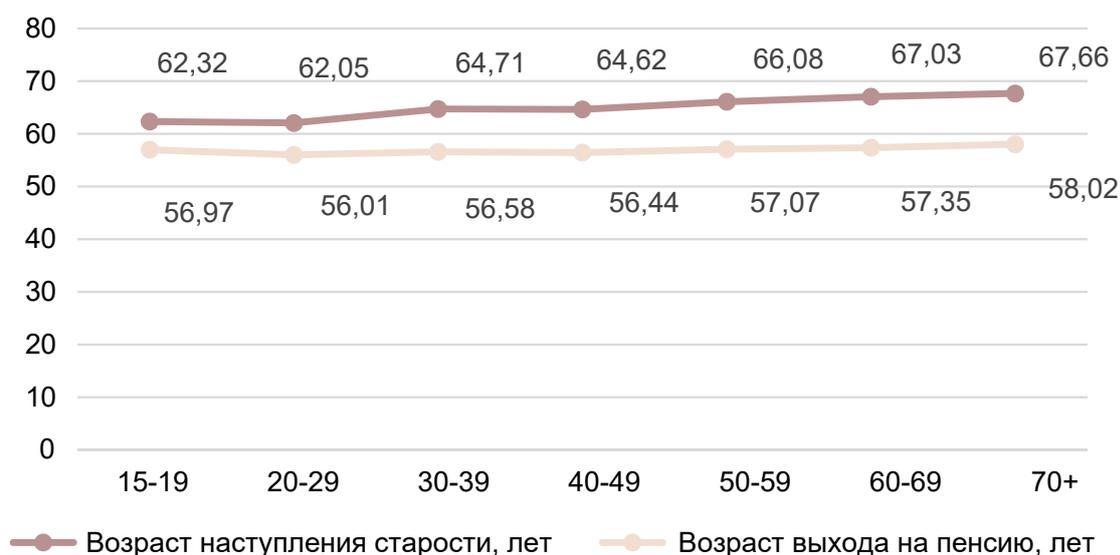

Рис. 3. Сравнение возрастов наступления старости и выхода на пенсию в различных когортах, 2018 год, лет

Полученные результаты иллюстрируют расхождение в восприятии пенсионного возраста и возраста наступления старости. Пенсионный возраст ассоциируется с желанием прекратить активную трудовую жизнь, но не с состоянием старости и немощности.

Дискуссия и заключение

Старение населения, на фоне которого обостряются проблемы людей старших возрастов, становится важной частью социальной и научной повестки. Общественное восприятие пожилого возраста и ресурсный потенциал пожилых людей претерпевают перманентные изменения. При этом данные тенденции, по мнению специалистов, ещё слабо исследованы [18].

Стоит отметить, что за тридцать лет произошли качественные изменения в ресурсном потенциале россиян 50–69 лет.

Компоненты ресурсного потенциала старшего поколения россиян можно дифференцировать на слабо подвижные и те, которые претерпели интенсивные изменения за почти 30 лет.

К группе изменчивых относятся компоненты ресурсного потенциала, связанные с семейно-личностными характеристиками (брачный статус, состав домохозяйства, проживание с детьми, теснота связей с детьми), образовательные ресурсы, а также элементы социально-экономических ресурсов – трудовая мобильность и самооценка доходов.

Большая стабильность (меньшая изменчивость) свойственна таким социально-экономическим ресурсам, как структура и объём занятости.

Выявленные тренды нельзя однозначно охарактеризовать как позитивные или негативные. Изменения в сфере семейно-брачных отношений и статусов, возможно, будут обострять социально-психологическую проблему одиночества людей старших поколений, что, безусловно, не будет способствовать росту благополучия этой группы населения. В контексте проблемы человеческого потенциала самое значимое изменение связано с повышением уровня образования россиян этой возрастной группы. Вместе с ростом образования, возможно, повышаются требования пожилых россиян к обществу, усиливается их социальная позиция. В условиях социально-экономической и демографической турбулентности особое значение для активного долголетия приобретает свойство самодостаточности. Первичными проявлениями этого качества можно считать увеличение доли россиян, удовлетворённых своим материальным положением, а также тех, кто имеет возможность откладывать сбережения.

Сдерживающим фактором социальной отдачи от ресурсного потенциала может стать *ригидность установок на пенсионный возраст* и профессиональную занятость в пенсионном возрасте. Выявленное качество

установок на возраст объясняется влиянием как внешних факторов, так и внутренней мотивации. Так, зарубежные исследователи эмпирически обосновали, что пассивность поведения людей старших возрастов определяется *отсутствием мотивации в изменении образа жизни* [5, p. 579]. Поэтому одним из сложных аспектов, с которым приходится сталкиваться при изменении чего-либо, является мотивация к внесению изменений в свой образ жизни, особенно когда человек не видит, что нужно изменить.

Следует также отметить, что анализируемые в статье результаты лонгитюдного исследования позволяют не только проследить, как менялся потенциал пожилых россиян за прошедшие почти 30 лет, но и способствуют концептуализации и содержательному наполнению понятия «ресурсный потенциал людей старших возрастов». Для дальнейших исследований важно расширение спектра субъективно-личностных ресурсов, таких как «целеполагание, решительность и уверенность, адаптивность, готовность к риску» [13, с. 50].

В заключение следует отметить, что результаты, полученные в ходе исследования, могут служить дополнительной основой для практической реализации задач, связанных с мобилизацией ресурсного потенциала россиян старших поколений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эгглстон К., Фукс В. Новый демографический переход: наибольший прирост продолжительности жизни в настоящее время происходит за счёт старших возрастов // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 4. С. 128–182. DOI [10.17323/demreview.v6i4.10430](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10430). EDN [TPSZWQ](https://www.edn.ru/TPSZWQ).
2. Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии / В. Г. Доброхлеб, О. В. Кучмаева, А. Д. Брагин, М. Афзали // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 4. С. 172–188. DOI [10.15838/esc.2022.4.82.11](https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.11). EDN [UAKXLO](https://www.edn.ru/UAKXLO).
3. Шмерлина И. А. Либерализация старения: теоретические иллюзии и эмпирические аномалии (часть I) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 165–175. EDN [QIVAYF](https://www.edn.ru/QIVAYF).
4. Васильева Е. В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2022. 190 с. ISBN 978-5-94646-661-5. DOI [10.17059/661-5](https://doi.org/10.17059/661-5).
5. Lifestyle Changes Using the Plan-Do-Study-Act Cycle among Older Thai Adults – A Focus Group Study / M. Wongsala, E.-M. Anbäcken, P. Manasatchakun [et al] // Activities, Adaptation & Aging. 2023. Vol. 47, № 4. P. 566–587. DOI [10.1080/01924788.2023.2172881](https://doi.org/10.1080/01924788.2023.2172881).
6. Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). EDN [TYOGUM](https://www.edn.ru/TYOGUM).

7. Pursuing the Longevity Dividend: Scientific Goals for An Aging World / S. J. Olshansky, D. Perry, R. A. Miller, R. N. Butler // *Annals of the New York Academy of Sciences* (3rd International Conference on Healthy Aging and Longevity). 2007. Vol. 1114, № 1. P. 11–13. DOI [10.1196/annals.1396.050](https://doi.org/10.1196/annals.1396.050).
8. Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2023. Т. 16, № 1. С. 4–26. DOI [10.21638/spbu12.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.101). EDN [NXUANC](https://www.edn.ru/NXUANC).
9. Третьякова Е. А., Хасанова Р. Р. Влияние выхода на пенсию на состояние здоровья пожилых: обзор зарубежных исследований // *Вестник НГУЭУ*. 2018. № 1. С. 168–185. EDN [YWMIUH](https://www.edn.ru/YWMIUH).
10. Месяцева В. Р., Торгашова О. А. Стимулирование активного образа жизни как фактор обеспечения увеличения продолжительности жизни и активного долголетия // *Актуальные проблемы активного долголетия и качества жизни пожилых людей. Сборник научных трудов Второй региональной научно-практической конференции (Калуга, 17 декабря 2019 года)*. Калуга : Издательство Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 2020. С. 71–75. EDN [NZVDDE](https://www.edn.ru/NZVDDE).
11. Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп: социально-экономические аспекты / С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, М. М. Максимова, Д. К. Щеглова // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2015. № 5 (127). С. 180–184. EDN [TSZJCB](https://www.edn.ru/TSZJCB).
12. Левинсон А. Г. Институциональные рамки старости: старость как гендер // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2011. № 3 (109). С. 52–81.
13. Мозговая А. В. Адаптация женщин к социальным изменениям: ресурсный потенциал // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 2. С. 47–59. DOI [10.21064/WinRS.2023.2.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.4). EDN [GGPRAV](https://www.edn.ru/GGPRAV).
14. Россет Э. Продолжительность человеческой жизни / Э. Россет ; пер. с польского В. И. Бомкина, О. Д. Комаровой. М. : Прогресс, 1981. 384 с.
15. Bühler Ch. The Course of Human Life as A Psychological Problem // *Human Development*. 1968. Vol. 11, № 3. P. 184–200.
16. Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // *Социологические исследования*. 2015. № 12 (380). С. 4–16. EDN [VGMFJB](https://www.edn.ru/VGMFJB).
17. Шемятихина Л. Ю. Ресурсный потенциал старшего поколения // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 8-3. С. 629–632. EDN [UHAFXT](https://www.edn.ru/UHAFXT).
18. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / В. А. Аникин, Е. В. Антонов, В. К. Антонова [и др.] ; под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М. : Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. 462 с. ISBN 978-5-906345-47-9. EDN [ZHNTSU](https://www.edn.ru/ZHNTSU).

Сведения об авторах

А. В. Носкова

доктор социологических наук, профессор,
и. о. заведующего кафедрой социологии, профессор

AuthorID РИНЦ: [397796](https://elibrary.ru/author_index.action?id=397796)

SPIN-код: [7471-5608](https://elibrary.ru/spin_index.action?id=74715608)

Е. И. Кузьмина

кандидат социологических наук,
старший преподаватель
AuthorID РИНЦ: 1047312
SPIN-код: 6393-2790

Вклад авторов в подготовку публикации:

А. В. Носкова – 60% (формирование общей идеи и разработка концепции статьи; интерпретация данных, написание текста статьи, общее редактирование).

Е. И. Кузьмина – 40% (вторичный анализ данных исследования, написание текста статьи, визуализация данных в тексте).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024; принята к публикации 20.05.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.4

CHANGES IN THE RESOURCE POTENTIAL OF OLDER GENERATIONS OF RUSSIANS (BASED ON MATERIALS FROM LONGITUDINAL STUDIES)

Antonina Viacheslavovna Noskova¹

Elena Igorevna Kuzmina²

^{1, 2} Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University),
Moscow, Russia,

¹ a.noskova@inno.mgimo.ru,
ORCID 0000-0001-6587-0822

² e.kuzmina@inno.mgimo.ru,
ORCID 0000-0001-6192-7852

For citation: Noskova A. V., Kuzmina E. I. Changes in the resource potential of older generations of Russians (based on materials from longitudinal studies). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):78–101. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.4.

Abstract. The increase in life expectancy is a global trend in the field of population. The purpose of the article is to identify the changes in the components of the resource potential of Russians belonging to different real generations but being in the same age phase of 50–69 years. The first cohort reached the age of 50–69 years in 1993, the second in 2021. Within the framework of the study, resource potential is understood as a set of significant socio-psychological, economic and personal characteristics necessary for leading an active social and everyday life. E. Rosset's position on the lengthening of the period of adulthood with an increase in life expectancy is taken as the methodological basis of the study. The provisions of the theory of social activity and

the sociological approach to personal self-sufficiency are used to identify qualitative changes in the social and personal characteristics of Russians who are at a transitional stage of their life path from maturity to old age. The research hypothesis about gradual changes in the ways of organizing life, attitudes and behavior in people in transition from adulthood to old age is tested based on a comparison of data from two studies – RUSSET, Wave 1, 1993; the National Survey of the Older Generation under the SHARE program (population 50+), 2021. The social characteristics and attitudes of respondents who are in the same age phase (50–69 years old), but belong to different age cohorts that differ by generation length, are compared. The intensity and severity of family, professional, communication, etc. differentiates life choices on a scale from “active life” to “survival”. The main result of the study was the differentiation of the components of the resource potential of the older generation into changeable and stable ones. Trends were identified that reflect qualitative changes in the resource potential of older generations of Russians. They cannot be unambiguously characterized as positive or negative. In the context of the problem of human potential, the most significant change is associated with an increase in the level of education of older Russians. Older Russians are a highly educated population with high demands on society and an active social position. The rigidity of attitudes towards retirement age and professional employment constrains the resource potential of older Russians. In conclusion, it is concluded that the results obtained during the study can serve as an additional basis for the practical implementation of tasks related to the mobilization of the human resource of older Russians.

Keywords: active aging, population aging, population aging, resource potential, self-sufficiency, age-related attitudes, longitudinal studies

Acknowledgments: Grant RSF 23-18-00635 «Continuity and adaptation of values and behavior patterns during the lifespan in the time of radical social transformations». The authors express their sincere gratitude to Anna Vladimirovna Andreenkova, Doctor of Sociology, Senior Researcher of the Institute for comparative social research (CESSI), for providing data for secondary analysis and consulting support for processing the results of longitudinal studies.

REFERENCES

1. Eggleston K. N., Fuchs V. R. The new demographic transition: most gains in life expectancy now realized late in life. *Demographic Review=Demograficheskoe obozrenie*. 2019;6(4):128–182. (In Russ.). DOI [10.17323/demreview.v6i4.10430](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10430).
2. Dobrokhleb V. G., Kuchmaeva O. V., Bragin A. D., Afzali M. Demographic dividends: formation and use in the CIS and the Baltic countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast=Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2022;15(4):172–188. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2022.4.82.11](https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.11).
3. Shmerlina I. A. Liberalization of aging: theoretical illusions and empirical anomalies (Part I). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2013;3(115):165–175. (In Russ.).
4. Vasilyeva E. V. The concept of active longevity: possibilities and limitations of implementation in Russia. Ekaterinburg: Institut e'konomiki UrO RAN; 2022. 190 p. (In Russ.). DOI [10.17059/661-5](https://doi.org/10.17059/661-5).

5. Wongsala M., Anbäcken E.-M., Manasatchakun P. (et al.). Lifestyle changes using the plan-do-study-act cycle among older Thai adults – a focus group study. *Activities, Adaptation & Aging*. 2023;47(4):566–587. DOI [10.1080/01924788.2023.2172881](https://doi.org/10.1080/01924788.2023.2172881).
6. Kalachikova O. N., Korolenko A. V., Nutsun L. N. Theoretical and methodological foundations of active longevity research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023;(1):20–45. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209).
7. Olshansky S. J., Perry D., Miller R. A., Butler R. N. Pursuing the longevity dividend: scientific goals for an aging world. *Annals of the New York Academy of Sciences (3rd International Conference on Healthy Aging and Longevity)*. 2007;1114(1):11–13. DOI [10.1196/annals.1396.050](https://doi.org/10.1196/annals.1396.050).
8. Vidyasova L. A., Grigorieva I. A. Subject field of research on active/delayed aging: results of scientometric analysis and mapping. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2023;16(1):4–26. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu12.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.101).
9. Tretyakova E. A., Khasanova R. R. Influence of retirement on state of health of seniors: review of foreign studies. *Bulletin of the NGUEU=Vestnik NGUE'U*. 2018;(1):168–185. (In Russ.).
10. Mesyatseva V. R., Torgashova O. A. Stimulating an active lifestyle as a factor in increasing life expectancy and active longevity. Current problems of active longevity and quality of life of older people. In: Collection of scientific papers of the second regional scientific and practical conference. Kaluga: Izdatel'stvo Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. E. Ciolkovskogo; 2020; P. 71–75. (In Russ.).
11. Maksimova S. G., Noyanzina O. E., Maksimova M. M., Shcheglova D. K. Social exclusion of older age groups people: socio-economic aspects. *Bulletin of the Altai State Agrarian University=Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2015;5(127):180–184. (In Russ.).
12. Levinson A. G. Institutional framework of old age: old age as a gender. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions=Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2011;3(109):52–81. (In Russ.).
13. Mozgovaya A. V. Women's adaptation to social changes: resource potential. *Woman in Russian Society=Zhenshchina v rossii'skom obshchestve*. 2023;(2):47–59. (In Russ.).
14. Rosset E. Duration of human life. Moscow: Progress; 1981. 384 p. (In Russ.).
15. Bühler Ch. The course of human life as a psychological problem. *Human Development*. 1968;11(3):184–200.
16. Gorshkov M. K., Sedova N. N. “Self-sufficient” Russians and their life priorities. *Sociological Studies=Sociologicheskie Issledovaniya*. 2015;12(380):4–16. (In Russ.).
17. Shemyatikhina L. Yu. Resource potential of the older generation. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental research*. 2015;(8-3):629–632. (In Russ.).
18. Ovcharova L. N., Anikin V. A., Sorokin P. S. (et al.). Human potential: modern interpretations and research results. Moscow: Vserossiiskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya; 2023. 462 p. ISBN 978-5-906345-47-9. (In Russ.).

Information about the Author(s)

A. V. Noskova

Doctor of Sociology, Professor
Professor, Acting Head of a Chair
ResearcherID: **H-7453-2016**
Scopus AuthorID: **23571287600**

E. I. Kuzmina

Candidate of Sociology
Senior lecturer
ResearcherID: **ABD-4103-2021**
Scopus AuthorID: **57209606264**

Contribution of the authors:

A. V. Noskova – 60% (formation of the general idea and development of the concept of the article; interpretation of data, writing the text of the article, general editing).

E. I. Kuzmina – 40% (secondary analysis of research data, writing the text of the article, visualization of data in the text).

The authors have no conflict of interest to declare.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 28.04.2024; accepted for publication 20.05.2024.